

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации **Ковбы Дарьи Михайловны** на тему «“Мягкая сила”» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Несмотря на сохраняющееся неоднозначное отношение к категории «мягкой силы», на споры вокруг нее, в которых различия в позициях сторон нередко выходят за пределы чисто академических разногласий, несмотря на наличие статьи о «мягкой силе» в действующей Концепции внешней политики РФ и на то, что зафиксированное в ней понимание «мягкой силы» далеко от аутентичной трактовки этой языковой формы ее автором, американским ученым-международником Джозефом .С. Наем-младшим, несмотря на... этот список можно было продолжать, с легкостью вышедши на «толстовскую» длину предложения и абзаца... так вот, несмотря на все на это и много на что еще проблематика «мягкой силы» продолжает привлекать внимание исследователей, в том числе российских, и далеко не в последнюю очередь молодых, о чем свидетельствуют не только все новые публикации, но и защищаемые квалификационные работы – от бакалаврских ВКР и даже курсовых до кандидатских диссертаций. Конечно, вопрос о том, не ушла ли «мягкая сила» из современной повестки дня, ставится, но ответ на него отнюдь не представляется очевидным, а поиски такового ответа, несомненно, актуальны.

Одна из очевидных причин живого интереса категории «мягкой силы» – это, конечно, ее комплексный и многоаспектный характер, дискуссионность ее содержания¹ и разнообразие связей ее с родственными категориями, от относительно уважаемой «публичной политики» до стигматизированной «пропаганды» (здесь кавычки технические), по поводу которых (как категорий, так и связей) тоже уместно и необходимо дискутировать.

¹ Простейший и лежащий на поверхности, но так и остающийся нерешенным вполне практический вопрос – нужны ли в названии рассматриваемой категории кавычки, которых нет в английском оригинале (впрочем, английский письменный дискурс вообще не злоупотребляет кавычками), и что они означают, и во всех ли употреблениях формы *мягкая сила* кавычки означают одно и то же – ибо значений у них много.

Заниматься этим, в принципе, можно, не выходя за рамки отдельно взятой страны и ее дискурсов, однако немалая часть работ последних лет развивает исследование «мягкой силы» не только вглубь, но и вширь, обращаясь к международно-политическим практикам тех стран, которые поддались «мягкой силе мягкой силы» – ибо это понятие оказалось самоприменимым и показало себя одной из тех самых притягательных политических ценностей, которые Най включал в число компонентов «мягкой силы» в своей интерпретации.

Таковых стран оказалось не так уж мало, но, пожалуй, первым за пределами США к понятию «мягкой силы» обратился Китай (хотя и там имело место первоначальное неприятие, связанное с американским происхождением и американоцентричным ценностным наполнением этой категории). Неприятие, однако, оказалось недолгим, а апелляция к категории «мягкой силы» в Китае быстро была официально одобрена; более того, из далекого китайского прошлого был вызван дух Конфуция, и с его помощью была осуществлена попытка приватизации этой категории – не лишенная некоторых оснований и достаточно сочувственно встреченная сообществом международных в других странах. За Китаем последовала Япония, а за ним – Южная Корея. И сравнительному анализу «приключений мягкой силы» в этих трех странах посвящено – в одной лишь России, не говоря уже о зарубежных публикациях – осязаемое количество статей, квалификационных работ и, как минимум, две коллективных монографии, екатеринбургская и владивостокская.

Рецепция категории «мягкой силы» в трех ведущих державах Восточной Азии происходила сильно по-разному (хотя в целом в рамках наевского понимания, в чем их отличие от России) – прежде всего в силу различия преследуемых при этом политических целей, но не только, в особенности это касается Южной Кореи, и Д.М. Ковба (пора все же перейти к героине отзыва и тому, что ей удалось сделать) вполне убедительно это показала. (В автореферате часто используется глагол *доказать* там, где хотелось бы видеть *показать*, но это замечание носит вкусовой характер).

На самом деле, надо сразу сказать, что сделала она многое, и с достойным качеством. Основное определение, которое напрашивается при характеристике ее работы², – это определение «зрелая». Зрелая по

² Тем более, что у автора настоящего отзыва была возможность ознакомиться не только с весьма пространственным авторефератом но и – в интернете – с основным текстом

формулировке задач, по концептуальному осмыслению предметного поля, по способу структурированной подачи материала, по очень хорошему знакомству с литературой вопроса и эмпирическими данными, по практически безукоризненному владению терминологией и навыками академического дискурса – а также по обилию публикаций по теме исследования. Если считать, как это нередко делается, обозначение «молодой ученый» индульгенцией, то Дарья Михайловна в ней не нуждается. Ее работа заслуживает серьезного к себе отношения.

К сильным сторонам исследования Д.М. Ковбы относится учет широкого спектра концептуальных построений, как предшествовавших появлению наевской интеллектуальной инновации, так и развивавших, критиковавших и модернизирующих ее. Не все из них разобраны с равной детальностью, но это и не входило в задачи автора, да и вряд ли могло быть реализовано в рамках диссертации. Главное – то, что из этого разнообразия исследовательнице удалось выстроить свое собственное достаточно непротиворечивое понимание и применить его к анализу эмпирического материала.

Рассуждая в семиотических терминах, можно было бы сказать, что работа Д.М. Ковбы представляет собой синтаксически безупречное построение (что, безусловно, производит самое благоприятное впечатление), семантическая интерпретация которого по ряду позиций вызывает лично у меня серьезные возражения.

Однако, и это очень радует, прагматическая составляющая работы Д.М. Ковбы носит сугубо академический, можно сказать, «мягкий» характер; ее диссертация ни в коей мере не может быть уподоблена не столь уж редким в рамках данной тематики воплям из геополитического окопа, приправленным примордиалистской мистикой. На защиту представлено, несомненно, рациональное научное исследование, что, в принципе, открывает перспективу для конструктивной дискуссии. Такая дискуссия, однако, не предполагается жанром и объемом отзыва на автореферат и была бы уместна (и полезна), как минимум, в рамках отзыва официального оппонента.

Остановлюсь лишь на некоторых позициях моих расхождений с автором. Прежде всего, несогласие вызывает формулировка выносимого

диссертационного сочинения и справочными приложениями к нему, и он не преминул этой возможностью воспользоваться с интересом и пользой для себя; однако настоящий текст все же представляет собой отзыв на автореферат, а не на диссертацию.

на защиту (с. 11, 20) положения о «мягкой силе» государства как «способе осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий» на различных уровнях от локального до глобального. Насчет создания благоприятной среды – полностью согласен, но вот насчет власти... Со времен Т. Гоббса власть, в отличие от силы, важнейшего концепта теории международных отношений, принципиально считается категорией, неприменимой к описанию отношений между суверенными государствами, а ведь именно для таких отношений и было предложено обозначение *soft power*. Кстати, поэтому неприемлемым является перевод этой формы русским «мягкая власть», да и перевод названия книги Мая 2011 г. *The Future of Power* на русский язык («Будущее власти») вряд ли можно считать корректным.

Два других возражения адресуются не только и не столько автору диссертации, сколько, увы, почти всем исследователям, рассуждающим о «мягкой силе». Первое из них касается не вполне аккуратного отношения с логико-лингвистическими категориями. Терминосистема, в которую входит понятие «мягкой власти»³, организована не только лексической, но и грамматической семантикой, и ее исчерпывающее описание с учетом этого обстоятельства – задача актуальная и пока что не до конца решенная, но автор ее перед собой и не ставил. Действие, результат, свойство и т.п. – разные вещи, а это часто игнорируется. В частности, любая сила – это способность менять *status quo* или противостоять его изменению, она (да и то с долей метафоричности) может действовать, но сама действием не является, и поэтому с тезисом о том, что «"мягкая сила" одновременно является результатом взаимодействий и процессом, деятельностью, направленной на достижение таких результатов», согласиться трудно.

И второе: очень болезненный, на мой взгляд, вопрос о том, каким образом соотносятся между собой традиционно-технологическое и аутентичное наевское понимания «мягкой силы», требует не только констатации различий между ними и даже не только их экспликации, но и указания на их культурно-идеологические, ресурсные и прагматические корреляты. Акцент на технологическое понимание, как говорится, многое объясняет и сильно влияет на общий подход, реализуемый в работе.

³ Впрочем, в какой мере это понятие и тем более термин – вопрос открытый, и это касается и многих других родственных категорий. Эффектная языковая форма – это, конечно, да, и ее риторические достоинства, как справедливо отмечает автор, сыграли немаловажную роль как в ее популярности, так и в возникновении «путаницы», по ироническому замечанию лондонского китайца Ин Фаня – *the power of confusion*.

Надо отдать должное Дарье Михайловне: она затрагивает эту проблематику, но, как представляется, некоторые следствия сделанного выбора следовало бы проговорить более четко.

Впрочем, сослагательное наклонение в отзыве – вещь куда менее правомерная, чем даже в исторической науке. Пожелание, да еще отчасти вкусовое, не должно рассматриваться как критика.

И еще позволю себе небольшую формальную придирку: сильно сомневаюсь, что перевод названия ранних версий известного рейтинга Дж. МакКлори *The New Persuaders* как «Новые средства убеждения» (с. 6) является адекватным в контексте существования знаменитой книги Вэнса Паккарда 1957 г. *The Hidden Persuaders*, традиционно переводившейся на русский как «Скрытые увещеватели», а также явно неслучайно одноименного (хотя сюжетно он про другое) британского фильма 2011 г. Впрочем, о рейтинге МакКлори, ныне сменившем свое название на *The Soft Power 30*, и о том, в какой степени его внезапная популярность в 2016 и 2017 гг. является исследовательским, а в какой – маркетинговым (а то и политическим) феноменом, надо говорить особо.

И, the last but not the least. Собственно эмпирическая часть работы представляет собой интересный, основанный на изучении достаточно обширного круга источников и научных публикаций⁴ анализ национальной специфики рецепции идеи «мягкой силы» в восточноазиатских державах. Опять же, не со всеми выводами автора можно согласиться, но это различия в интерпретации собранных фактов, а приведенные Д.М. Ковбой аргументы выстраиваются во вполне стройную систему.

Подводя неформальный итог, скажу, что как квалификационная работа диссертация Д.М. Ковбы не только соответствует критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, но существенно превосходит их. Что же касается дискуссионных положений, то дискуссия по ним может и должна вестись на высоком уровне и способствовать – позволю себе пафос – поиску истины. Как известно, противоположностью банальной истины является ложь, тогда как противоположностью небанальной – другая небанальная истина.

⁴ Русско- и англоязычных, но специфика предмета исследования такова, что он тяготеет к презентации себя вовне на доступных международной аудитории языках, что позволяет исследователю не быть востоковедом со знанием трех языков.

А теперь – итог формальный. Замечания и несогласия, высказанные выше, никоим образом не влияют на общую сугубо позитивную оценку работы. На основании реферата можно заключить, что поставленные автором перед собой задачи успешно решены, а выдвинутые тезисы вполне убедительно обоснованы. Диссертация Д.М. Ковбы представляет собой научно-квалификационную работу, в которой автор в полной мере демонстрирует свое владение научными методами исследования и собранным ею обширным материалом. Автору удалось внести свой вклад в развитие теоретического осмысления «мягкой силы», разработав свой оригинальный подход, предложив авторское определение «мягкой силы» и применив его к анализу национально-специфических способов концептуальной и рецепции этой категории в Китае, Японии и Южной Корее, а также охарактеризовав комплекс институтов и различного рода мероприятий, способствующих продвижению «мягкой силы» в регионе и за его пределами. Диссертационное исследование Д.М. Ковбы на тему ««Мягкая сила»» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона» можно с уверенностью квалифицировать как научное достижение, имеющее практическую ценность и отраженное в значительном за короткий срок количестве вполне цитируемых публикаций (индекс Хирша автора в системе РИНЦ = 3). Тем самым, работа соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, **Ковба Дарья Михайловна** заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – Политические процессы, институты и технологии.

Ведущий научный сотрудник
Центра глобальных проблем
Института международных исследований
МГИМО МИД России
кандидат филологических наук, доцент

Паршин Павел Борисович

Москва, 119454, просп. Вернадского, 76
тел. +7-915-474 92 00, e-mail: pparshin@mail.ru

25 августа 2017 г.

